

МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ — УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

ТРЕТЬИ ГУБЕРНАТОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тюмень, 19 апреля 2011 г.

Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева,
филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина

Лектор — главный редактор журнала «Искусство кино», член Совета по развитию гражданского общества и правам человека и Совета по культуре и искусству при Президенте РФ **Д.Б.Дондурей**.

Ключевые слова: модернизация, культура, ценности, конкурентная среда, Тюменская область

**Губернатор
Тюменской
области
В.В.Якушев**

«Губернаторские чтения» продолжают темой, может быть важнейшей для современной России, — темой культуры.

Уже не первое десятилетие звучат разумные речи о необходимости избавиться от восприятия культуры как остаточного явления, находящегося на периферии более важных дел и забот. К сожалению, эффект от этих речей пока незначителен. Мы все еще воспринимаем культуру как приятный, но не обязательный довесок к более важным делам, как нечто, о чем можно подумать и чем можно заняться, так сказать, на досуге, после работы. Это означает, что времени для того, чтобы подумать о культуре и заняться ею всерьез, никогда не хватает. Так нельзя.

Потому что культура — вовсе не совокупность «культурно-просветительных учреждений» и продуктов их деятельности, а нечто гораздо большее. Культура — это вся совокупность наших способов мыслить и действовать. Административная культура, предпринимательская культура, образовательная культура, культура здорового образа жизни; даже такие простые вещи, как культура делопроизводства, культура речи, бытовая культура... Перечень можно продолжать еще долго, но главное ясно — чтобы мы ни захотели изменить к лучшему, нам потребуется создать соответствующую культуру. Плоды наших усилий, к чему бы они ни прилагались — от запуска крупных инвестиционных проектов до благоустройства собственного двора, от борьбы с коррупцией до выстраивания добрых отношений в семье, — зависят прежде всего от культурного фактора. Какая у нас культура — такая у нас экономика, и власть, и гражданское общество, и школы, и больницы, и до-

роги, и подъезды. И, между прочим, дети. А значит, такое у нас и будущее.

Успех модернизации, ставшей сквозной темой «Губернаторских чтений», тоже определяется в первую очередь культурой. Если мы хотим что-либо изменить, сперва нужно изменить мозги, об этом свидетельствует опыт всех великих модернизаций — европейской, американской, японской, китайской... И российских модернизаций тоже — именно человеческое сознание меняли прежде всего и Петр I, и Александр II. Все остальное — мануфактуры и флот, промышленность и железные дороги, независимые суды и земство, военные победы и научные достижения — возникало как результат перемены в умах. Такая перемена необходима и сегодня. Иначе разговоры о модернизации снова уйдут в песок — так тоже не раз бывало в нашей истории. И так не должно случиться.

А значит, мы должны точно понять, какова наша культура сейчас — только увиденная без прикрас, без розовых очков. Мы слишком часто прикрываемся ссылками на великих предков, чтобы не думать о том, как выглядим на их фоне мы сами. Что в нашей культуре может стать ресурсом модернизации? Такие ресурсы есть в каждой культуре, многочисленные примеры стран Юго-Восточной Азии это ясно показывают. И уж конечно, такие ресурсы есть и в великой российской культуре, и в нашей тюменской как ее органической и вместе с тем уникальной части. А что, наоборот, модернизации препятствует? И как отделить одно от другого — ведь культура представляет собой живую ткань, и военно-полевая хирургия тут неуместна?

Вопросы сложнейшие. Но я думаю, что наш сегодняшний лектор поможет нам приблизиться к ответам на них — не дать готовые ответы, а подсказать, где и как их следует искать. Даниил Борисович Дондурей — один из крупнейших в нашей стране социологов культуры, много пишущий и размышляющий именно на те темы, о которых я сейчас говорил. А краткое введение в тематику сегодняшней лекции традиционно сделает наш партнер по организации «Губернаторских чтений», главный редактор журнала «Полития», профессор Высшей школы экономики, модератор дискуссии Святослав Игоревич Каспэ.

Главный редактор журнала «Полития» С.И. Каспэ

Самое интересное в сказанном губернатором — то, что вывод, сделанный им на основе огромного практического опыта (экономического, политического и административного), полностью соответствует последним трендам социальных наук и тем самым подкрепляет их выводы. Да, культура имеет значение. И очень многие наши экономические, политические, административные проблемы суть на самом деле проблемы культурные и не решаемы до тех пор, пока мы это не осознаем. А как вообще решаются культурные проблемы? И — как они *не* решаются? Их решению препятствуют два заблуждения, при всей своей внешней

противоположности в действительности вытекающие из одной глубоко ошибочной установки. Первая ложная позиция состоит в том, что наша культура — целостная и неразрушимая драгоценность, переданная нам предками, и наша задача — в неизменном виде передать ее потомкам, ничего не утратив и не прибавив никакой отсебятины (потому что ни на что хорошее мы в принципе не способны). Другая ложная позиция — в том, что наша культура есть наше «ресурсное проклятие» (я знаю, как относятся к разговорам о «ресурсном проклятии» в Тюменской области, потому и употребляю это выражение). Все плохо и всегда было плохо — со времен Ивана Грозного в России царили отсталость и деспотизм, ничего не изменилось и измениться не может... И то и другое — вредная чушь. Обе позиции исходят из того, что культура однородна и неизменна, расходясь только в оценочных знаках.

А на самом деле всякая культура неоднородна — и потому пластична, способна к изменениям. Во всякой культуре есть свое благое творческое, позитивное начало — и свое зло. Прочитую замечательную книгу «Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу»: «В самых различных обществах... люди способны к сочувствию, доброте, любви, благодаря чему они достигают порой потрясающих успехов в преодолении вызовов природы. Но люди способны также порождать такие убеждения, ценности и социальные институты, из которых проистекают бессмысленная жестокость, ненужные мучения и фундаментальная глупость». В признании этого факта — а его нельзя не признать, честно и трезво взглянув на самих себя, — нет ничего постыдного. Потому что сказанное в полной мере относится и к культуре тех обществ, которые сегодня претендуют на статус культурных образцов. Претендуют именно потому, что на протяжении долгого времени занимались глубокой и болезненной внутренней работой по преобразованию своей собственной культуры. Разве не был еще недавно звериный расизм органическим элементом американской культуры? Разве не были главными чертами испанского национального характера глупая гордыня и презрение к любому терпеливому созидательному труду? Об этом сами испанцы исписали тысячи горьких страниц! Разве китайцы, на пример которых мы так любим сегодня оглядываться, не ведут сейчас абсолютно осознанную ожесточенную борьбу с такой фундаментальной чертой собственной культуры, как тотальная, пронизывающая все уровни социальности коррупция? С другой стороны, разве есть хоть одно общество, культура которого напроць исключала бы развитие человеческого потенциала, экономический рост, создание гуманных и эффективных институтов? 150 лет назад так думали про Японию. 50 лет назад — про Бразилию и Индию, сегодня вместе с нами входящих в состав BRICS. Выбор между дурным и благим внутри собственной культуры есть всегда, и это, может быть, самый ответственный выбор, который только возможен. Поучителен социальный эксперимент почти лабораторной чистоты — две Кореи.

И Север, и Юг — результаты развития определенных потенциалов внутри одной и той же корейской культуры. И это очень различные результаты, в том числе и в плане успехов модернизации, и качества человеческой жизни, и просто ее продолжительности...

Перед аналогичным выбором находимся и мы. Российская модернизация знала несколько побед и несколько поражений, несколько прорывов и несколько срывов, и вот теперь мы ввязались в новую схватку. Никакого «ресурсного проклятия» нет, мы свободны в выборе, «будущее не предопределено». А вот определить его для себя и своих детей мы действительно можем, только разобравшись с собственной культурой. От тех решений, которые мы примем в этой сфере, будет зависеть и все остальное. Более подробно о той системе координат, в которой принимаются подобные решения, и будет говорить коллега Дондурей.

Д.Б.Дондурей

В самый разгар прошлогодней жары, 29 июля, в Москве произошло два события. Утром правительство выделило полтора триллиона рублей на высокотехнологичные программы и модернизацию. А вечером в телевизионной программе «Пусть говорят» представили сюжет о 22-летней девушке, родившей двоих детей от собственного отца. В присутствии «модернизаторов» всех возрастов обсуждались детали инцеста. Чудовищно. И подобное происходит ежевечерне. Кажется, что модернизация и инновации — в одном пространстве, а вот этот пласт «культурного производства» — в совершенно другом. Культура сейчас сведена к двум подходам: 1) искусство как жизнь великих произведений и гениев; 2) массовое потребление массовых же «культурных продуктов». Они, во-первых, никак не соприкасаются друг с другом, во-вторых, и тому и другому отводится место на периферии, вне обычной жизни, именно что в «свободное время».

С середины 1990-х годов о культуре стали говорить исключительно как о специальной зоне деятельности. Спросите любого экономиста, политика, общественного деятеля: как вы понимаете культуру? И услышите в ответ — как нечто уникальное, замечательное, но отделенное от экономической практики, от проблем безопасности, семейных отношений. Вообще от реальной жизни — от представлений о том, что нужно делать завтра на работе, как вести себя с начальником, с гаишником, на выборах... Культура — это место продажи развлечений, и все. Главная концептуальная коллизия, препятствующая модернизации России, — вот это разведение жизни и культуры, культуры и экономики и т.д. Так, как говорит о значимости культуры ваш губернатор, не говорит почти никто — поверьте мне, это большая редкость. Ведь что определяет, что наполняет содержанием человеческие практики? Именно культура проникает в каждый миллиметр нашей повседневности, пронизывает буквально все и вся. Культура в самом широком смысле — не как нечто

подведомственное Министерству культуры, а как программирование жизни. Игнорировать культуру попросту опасно для страны, тем более в период модернизации. Сегодня это главная проблема национальной безопасности, посерьезнее любого ракетного комплекса.

40 правительственных ведомств два года назад занимались созданием антикризисной программы. Долго ее готовили, многократно переписывали с участием лучших интеллектуальных сил. Наконец в марте 2009 г. она была подписана премьер-министром. В ней аж 132 подробно расписанных пункта в восьми разделах. И напроць отсутствуют четыре понятия — «культура», «мировоззрение», «мораль», «средства массовой информации». Большинство экономистов как главных сейчас проектантов будущих состояний общества люди вообще не воспринимаются как живые существа — со своими страхами, надеждами, страданиями, привычками и индивидуальными представлениями о происходящем. Даже самые продвинутые эксперты из числа тех, к кому прислушивается власть, во всех ситуациях, когда они обращаются к сферам более широким, чем собственно хозяйственная деятельность, принимают в расчет только политические, международные, правовые и некоторые социальные отношения. Все прочее они уже автоматически выносят за скобки. Ни культура, ни общественная психология, ни мораль ими никак не учитываются. Они в подавляющем большинстве случаев не принимают во внимание мотивационную, тем более мировоззренческую, сферу человеческого сознания, то есть все, связанное с производством и потреблением разного рода смыслов. Ценности, нормы, цели, запреты, стереотипы, мифы, модели поведения — вот что, собственно, и образует понятие «культура».

Как же могло получиться так, что из сферы общественной рефлексии все это выведено? У нас наложились друг на друга четыре острейших культурных кризиса, и все они почти не обсуждаются в публичном пространстве:

- 1) идеологический кризис, связанный с недостаточностью производства моделей будущего;
- 2) острейший моральный кризис, сопоставимый с аналогичным кризисом времен революции и гражданской войны;
- 3) психологический кризис, о котором говорят многие психологи и социологи;
- 4) кризис неадекватности времени — люди по своим установкам и стереотипам как будто не в 2011 г. находятся.

Все эти сбои приводят к тому, что люди становятся неспособными совершать те практические действия, которые в современных условиях необходимы.

Например, той осенью, когда начался кризис, 57% населения страны жаждали введения государственного контроля над ценами — не отдавая себе никакого отчета в возможных последствиях. 69% населения негативно относятся к частному бизнесу вообще, 82% хотели

бы национализации крупных предприятий. И это в условиях, когда вся экономика-то рыночная! В нормальной ситуации население не может ненавидеть и стремиться подорвать самые основы той системы, которая 20 лет как является конституционной. А если ненавидит, это симптом глубокого неурядка.

В проекте государственного образовательного стандарта написано: «Школа должна обеспечить детей и подростков адекватными картинами мира». Какими? Что считать адекватной картиной? Год назад мы вместе с компанией «Башкирова и партнеры» по заказу Института общественного проектирования проводили большое социологическое исследование. Опросили почти 2 тыс. человек в 100 населенных пунктах разной величины. Вывод: люди не имеют представления об основных вызовах времени. Население страны отстает на 30—40 лет по восприятию частной собственности, модернизации, оценкам событий 1990-х годов, по отношению к труду, успеху, интеллектуальной деятельности, Сталину, иностранцам... До сих пор работают «картины мира», восходящие к 1970-м годам, и с ними люди входят во второе десятилетие XXI в. Сталкиваясь с новыми драмами, они — советские, квазисоветские, транссоветские, но не постсоветские — просто не знают, что им делать.

Ценности социализма разделяются большинством общества (более 60% населения). Большинство отторгает и Горбачева, и Ельцина. До 70% населения считает, что жизнь в стране устроена несправедливо. Мотивационные и ценностные структуры прямо противостоят всем имеющимся социальным институтам.

При этом в обществе сложилась чудовищная терпимость к насилию. Люди просто не замечают насилия, не видят в нем проблемы. Журналисты федеральных телеканалов подкупают следователей и милиционеров, чтобы взять интервью у битцевского маньяка!

Одновременно очень тяжелое положение с толерантностью: 68% населения считают, что правительство должно ограничить приток приезжих, 6 из 10 допускают возможность массовых кровавых столкновений на этой почве, в том числе 3 — в их населенном пункте. В более или менее благополучной Москве около 60% не хотели бы жить рядом с людьми другой веры или национальности.

Есть темы, которые показывают ситуацию в обществе с точностью барометра. Главный такой индикатор — доверие. Согласно последним опросам, 59% граждан не доверяют друг другу, 78% считают, что доверять людям вообще не надо, а более 70% российских предпринимателей в случае возникновения экономических споров не подают в суд, потому что не верят в его справедливость. Они большей частью, как принято это называть, договариваются «по понятиям». Михаил Прохоров как-то в программе Владимира Познера искренне удивился: а разве можно в нашей стране жить не «по понятиям»?

Однако без доверия социальные системы развиваться не могут. Дефицит всякого доверия в российском обществе в сочетании с ощуще-

нием глубокой несправедливости окружающей жизни — гремучая смесь. И это культурная проблема.

Точно так же культурной проблемой является и, например, коррупция. Плутводство и даже воровство в рамках национальной культурной матрицы, по сути, не считаются настоящим — то есть отторгаемым обществом — преступлением. Конечно, с точки зрения закона и его представлений о должном воровать нехорошо. Но культура через тонкую систему своих запретов/разрешений не маркирует эту деятельность как в принципе недопустимую. На практике коррупция не осуждается: около 40% россиян убеждены, что она помогает решать многие актуальные проблемы, а 51% вообще относится к ней терпимо. И у коррупции, видимо, действительно есть свои позитивные функции — это и впрямь довольно эффективный способ перебороть предельно формализованную систему, где для такого простого дела, как сбор документов на новое строительство, требуется 304 дня, в то время как в Европе — 58, а в США — всего 40. Другой пример. Каждый из 77 млн. человек, занятых в народном хозяйстве Российской Федерации, знает о существовании зарплат «в конвертах» — сегодня это 11% от ВВП страны. «Так поступают благородные, думающие о нас работодатели», — скажет любой рабочий, инженер, офисный служащий. В продвинутых, преуспевающих обществах это немыслимо. В России — в порядке вещей.

Культура программирует человеческое поведение на многих уровнях, и в ней искренняя любовь к Родине совмещается с тотальным неверием в ее возможности, а самоотверженный труд — с непобедимым желанием утащить со своего предприятия все, что там плохо лежит. Более половины всех экономических преступлений в нашей стране причиняет ущерб тем самым организациям, на которых трудятся «попавшиеся» наемные работники. Здесь даже ребенок прекрасно знает, что реальная практика никогда не соответствует тому, что зафиксировано в официальных правилах — в законах, в их применении, в разного рода бумагах и документах. Что люди говорят не то, что делают, и тем более — не то, что имеют в виду.

Отсюда, кстати, вытекает проблема формирования не только двойной морали, но и двойного языка (слова «крышевать», «наехать» давно вошли в речевой оборот вполне интеллигентных людей).

Все это затрагивает даже самые благородные сферы — благотворительность, волонтерство... По уровню благотворительности Россия на 138 месте из 153 стран мира. А дефицит благотворительных фондов — тоже проблема морали!

Более 60% молодых людей (18—35 лет) убеждены, что благополучие их жизни не зависит от собственных усилий, настойчивости, трудолюбия, вообще не зависит от их индивидуальных усилий и способностей. Главное — различные социальные лифты, механизмы, в которые необходимо вовремя вскочить, встроиться. Это мировоззренческая катастрофа.

Так жить очень трудно. Поэтому в стране фиксируется огромный рост нервных заболеваний. Каждый второй брак распадается, 4 из 10 детей в 2010 г. были рождены вне брака. У России второе место в мире по количеству самоубийств — 33 200 в 2010 г., это больше, чем смертей на дорогах. Более 300 тыс. детей находятся на попечении в детских домах, из них 80% — при живых родителях. В год граждане России совершают 65 тыс. преступлений против собственных детей. Детей, убитых в семьях, — 2 тыс. в год. Очень высок уровень подросткового суицида, в три раза выше, чем в Европе. Наркомания; наркоманов — 2,5 млн. человек, причем по количеству употребляющих тяжелые наркотики мы на первом месте в Европе. У молодых людей совершенно нет позитивных ценностей, романтического восприятия мира, нет героев — герои их бабушек и дедушек для них ничего не значат. Если есть патриотизм — то сугубо военный. Патриотизм мирного времени отсутствует, та простая мысль, что не обязательно надо убивать людей, чтобы любить Родину, популярностью не пользуется. Как все это называть, если не моральным нездоровьем, если не моральной катастрофой? И разве не имеет все это прямого отношения к проблемам модернизации?

С моделями будущего дело обстоит особенно плохо — хуже, чем было при советской власти. Тогда были мощнейшие доктрины — даже после отказа от хрущевской коммунистической наивности образ будущего сохранялся и реально работал. Была концепция «развитой личности», был культ образования, сейчас это невозможно представить. По данным исследования, проведенного в мае 2008 г., 57 из 100 главных героев сериалов так или иначе связаны с тюрьмой и преступлениями — сами преступники, следователи, судьи, жертвы и т.п. Так и воспитывается терпимость к насилию. Эти типы сознания проникают в массовое общество и замещают в нем идеал «развитой личности».

Непрозрачность монополий, коррупция, трудное положение малого бизнеса и многое другое публично не связываются у нас с национальной культурой, то есть с реально действующими мотивациями человеческого поведения. Культура ведь, по общему убеждению, касается только досуга, фольклора, памятников, высокого искусства и обстоятельств жизни гениев. Но очевидно, что трагедии в пермском клубе «Хромая лошадь» или на Саяно-Шушенской ГЭС, в станице Кушевская или на Манежной площади в Москве — в первую очередь культурного происхождения. За пару месяцев до того, что произошло на Саяно-Шушенской ГЭС, приборы зафиксировали, что вдвое увеличилась вибрация, а за два часа до катастрофы она была в пять раз выше допустимого. Однако никто не решился рассказать начальству о масштабных неприятностях и отключить агрегаты. В соответствии с культурным предписанием люди думали: авось пронесет. И погибли. У них сработали поведенческие запреты. Им казалось, что не следует такой важный для бизнеса и политики, для начальства объект отключать «из-за пустяков».

Или угольщики в Кузбассе, которые, чтобы не потерять работу, телогрейками закрывали английские датчики, измеряющие объемы концентрации метана. Они тоже погибли.

Люди учитываются скорее в качестве неких агрегированных участников хозяйственной деятельности. Их рассматривают чуть ли не под тем же углом и в том же контексте, что и другие экономические составляющие: банковские активы, производственные мощности, энергетические и иные ресурсы. Либо в качестве субъектов социальной опеки — получателей пенсий, стипендий, льгот, выплат. Как своего рода инвалидов. И люди сами так себя и воспринимают.

С точки зрения большинства экономистов, в том числе и либеральных по своим взглядам, человек наделен несколькими важными, однако исключительно демографическими характеристиками: пол, возраст, образование, место жительства, наличие семьи, собственности, качество здоровья и жилья. Недемографические свойства «человеческого капитала» полностью игнорируются. Это не может не влиять на понимание природы многих экономических и социальных процессов, а следовательно, и на управление ими.

Российские мужчины умирают (мы на одном из первых мест по мужской смертности) не потому, что у нас плохая экология, здравоохранение, не только от пьянства или в результате несчастных случаев... Но прежде всего потому, что наши мужчины подсознательно боятся жить. Причина: внутренние, напрямую не мотивированные страхи. Последние десятилетия у людей нет драйва, необходимого для освоения реальности, преодоления трудностей и проблем. Нет необходимых утопий, моделей будущего. Эти обстоятельства никак не связаны с объемом западных инвестиций, их рост ничего не изменит. Миллионам наших соотечественников не хватает проектных, продуктивных «картин мира». Культура не поставляет идеологические конструкции, которые могли бы быть приняты обществом, элита не создает продуктивную массовую культуру.

Один из главных, но не рефлекслируемых кодов нашей культуры заключается в том, что она удивительным образом всячески избегает адекватных знаний о себе. Иногда кажется, что это всем удобно. Много у нас перемешано, перепутано, обменивается функциями. Поэтому важно пытаться хотя бы ставить такие вопросы, которые смогут развязать хотя бы некоторые концептуальные узлы. Приучить, в частности, начальство не бояться самой разной, пусть и огорчительной информации. Когда знания неудобны, культурная матрица испытывается на разрыв.

У российской элиты при сегодняшнем дефиците интеллектуальных ресурсов нет установки на проектирование выходов из проблемных ситуаций. Проектная установка возникает в периоды больших подъемов и вдохновляющих утопий. Именно тогда появляются проектанты и строители. К сожалению, отсутствует драйв, необходимый для такой

деятельности. Это невероятно сложная проблема, не поддающаяся быстрому решению; мы ее даже толком не поставили.

Однако есть и исключения: вот недавно две девушки из Коломны занялись изучением истории своего города — и узнали, что город до революции был крупнейшим производителем уникальной пастилы. Они стали работать с этой темой, нашли инвестора, восстановили это производство, получили поддержку местной администрации, просто горожан — и вокруг этой простой темы создали целую туристическую индустрию, полностью преобразившую облик и жизнь города. Это все не экономика, это культура! И без создания таких культурных очагов модернизация невозможна!

К сожалению, я не успеваю сказать самое главное — что, собственно, можно и нужно делать в такой ситуации. Попробую воспользоваться для этого форматом ответов на вопросы.

С.И. Каспэ

Спасибо, Даниил Борисович. Хочу добавить пару соображений, которые помогут нам выстроить дальнейшую дискуссию.

Это все действительно очень мрачно, но на полпути из тени в свет так и должно быть — чтобы всплыть, надо оттолкнуться от дна. Ничего особенно революционного в предложенном понимании ситуации, в которой мы находимся, нет. В книге Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать», одной из лучших книг о политике, есть такая фраза: «Вы должны сделать добро из зла потому, что его больше не из чего делать». А разве бывает иначе?

Что мы можем делать? Назову две вещи — одну простую и одну сложную.

Простая вещь: надо перестать совершать привычные гадости. Мы все время стенаем о засилье на телевидении пошлости и насилия. Стенаем, но смотрим, ненавидим, но смотрим. Может, перестать смотреть? Хотя бы меньше смотреть? Начнут рейтинги падать, изменится и ситуация на телевидении. Ни на что другое, кроме падения рейтингов, они ведь не отреагируют.

Сложная вещь: если культура — система образцов, то и надо создавать образцы, причем на любом уровне. Об этом особенно легко и приятно говорить здесь, в этой библиотеке. Мне кажется, что тюменцы, даже гордясь ей, все еще недооценивают того культурного эха, того долгосрочного культурного эффекта, который такая библиотека производит на молодежь, на город и область в целом. Культурным образцом может стать любой объект: бизнес-предприятие, государственный орган, автобусная остановка. Думать о своей повседневной деятельности как о создании культурных образцов — это и есть способ решения наших культурных проблем.

**Доктор
культурологии,
директор
Института
изобразительных
искусств
и музейных
технологий
Тюменской
государственной
академии
культуры,
искусства
и социальных
технологий
В.И.Семенова**

Стратегия развития страны определена известной формулой — «инновации, институты, инвестиции, инфраструктура». Но в этой формуле модернизация России рассматривается только в технологическом и социально-экономическом аспектах. Человек здесь присутствует исключительно как субъект, который будет ее реализовывать. А каким требованиям должен отвечать сам этот субъект?

Уже в XVII в. было сформулировано, что человек может пребывать в двух состояниях — природном (естественном) и культурном (Гоббс, Пуффендорф). Культурное состояние предполагает, что человек умеет думать, учиться, познавать мир, самостоятельно принимать решения.

Вопрос, что есть культура, непрост. Существует множество определений понятия «культура», последние подсчеты в современной науке дают уже четырехзначную цифру. Однако еще в одном из первых определений культуры (Тайлор) подчеркивалась ее духовная составляющая — знания, представления, искусство, мораль, закон, обычай и другие способности и навыки, приобретаемые человеком как членом общества. Человек по своей природе — существо культурное. То, что у человека в голове, определяет шкалу его ценностей и его поведение и обязательно проявляется в материальном мире. Приведу очень страшный пример — практики красных кхмеров Камбоджи, творивших геноцид собственного народа руками детей. А ведь тут прямое следствие буддистского взгляда на природу греха: до 12 лет грехи как бы не засчитываются, не влияют на карму, поэтому именно детей посылают, скажем, забивать скот. Привычка к крови и смерти формируется в детстве. Таким образом, именно культурные традиции предопределили характер ужасных зверств камбоджийского революционного режима.

Сейчас нашу государственную идеологию (если она заслуживает такого названия) можно определить как прагматическую. Ее последствия очевидны — они в способах реформирования образования, в состоянии библиотек, музеев, культурного наследия. В школе Министерство образования обнаружило «избыточные знания»! По мнению реформаторов, традиционные школьные предметы (физика, химия, география, астрономия и др.) не имеют ничего общего с жизнью. Но на деле они учат усидчивости, упорству в достижении целей, стремлению узнавать новое, умению находить выход из сложных ситуаций. Все это нужно во взрослой жизни, независимо от того, кем человек будет — бухгалтером или академиком. Сокращение кругозора школьников означает — прощай, прогресс, прощай, модернизация! Если бы в XIX в. главными предметами в гимназиях было ОБЖ и физкультура (а остальное по выбору), в космосе нас бы не было. Человеку нужны именно лишние знания. Это доказывает популярность телевизионных каналов «Discovery Channel», «Animal Planet», журналов «GEO», «Вокруг света»...

Отношение к культуре, несомненно, отразилось и в результатах последней переписи. Количество потерянного с 2001 г. населения сопоставимо с количеством людских потерь во времена сталинских репрессий. Один из факторов быстрого ухода россиян из жизни — это

действительно нежелание жить, Даниил Борисович прав. Человек движим жадной познания, которую современная прагматическая идеология не утоляет. Тогда культурная политика и впрямь становится вопросом национальной безопасности.

И еще об одном. Нарушается функционирование такого устоявшегося, выработанного веками социального института, как музей. На наших глазах падает доступность музеев для публики. Музеи закрываются, укрупняются, растут цены на билеты, ликвидируются дни бесплатных посещений и пр. Так, ошибкой было объединение тюменского краеведческого музея (основанного в 1879 г.!) и музея изобразительных искусств (1957 г.). Оба музея — наша гордость. Но их социальные роли разные. Если приоритет первого — документировать местную историю, воспитывать гражданина-патриота, то художественные музеи отвечают в первую очередь за эстетическое воспитание, восприятие красоты и т.п. К слову сказать, наш художественный музей называют — по качеству его собрания — «маленькой Третьяковкой». А сейчас они работают в ущерб друг другу.

Из услуг, предоставляемых тюменскими музеями, наиболее популярны экскурсии, это связано с особой любовью россиян к этой форме получения знаний, но и экскурсионная работа сокращается. Новомодные мероприятия в музеях вроде «музейных ночей» тоже не пользуются высокой популярностью.

В.В. Якушев: А музейные лекции?

В.И. Семенова: Почти не востребованы.

В.В. Якушев: Хочу выступить с инициативой. Чтобы лекции ваши приподнять на более высокий уровень, на первую же лекцию, которую вы подготовите, я готов прийти сам и принять участие в дискуссии.

Насчет «музейных ночей» — не надо обольщаться, я по своему сыну знаю, как молодежь их воспринимает. Им интересно ночью побродить по городу, а не сами музеи.

Так что давайте начинать с себя: у вас с 2007 г. по настоящее время лекций проведено ноль — о какой востребованности тут можно говорить? Я думаю, что, если вы сделаете действительно оригинальные лекции о нашем крае, какие-нибудь выставки из ваших фондов, люди наверняка заинтересуются. То, что вы этого не делаете, — катастрофически плохо, ваши работники скоро забудут, как общаться с людьми.

В.И. Семенова: Спасибо Вам, обязательно это сделаем. А закончить свое выступление я хотела бы демонстрацией изображения креста, обнаруженного в наших хранилищах в середине 1990-х годов. Этот крест — «тюменская Шапка Мономаха»; по легенде, его подарил в 1665 г. Соборной церкви царь Алексей Михайлович. Этот крест должен быть в постоянной экспозиции, он должен стать символом Тюмени.

**Кандидат
медицинских
наук, доцент
кафедры
режиссуры
и актерского
мастерства
Тюменской
государственной
академии
культуры,
искусства
и социальных
технологий
А.Л.Ушаков**

¹ Дондурей Д.Б.
2010. *Человека
забыли! Манифест
Даниила Дондурей:
почему модернизация
зависит от
культуры* // *Рос-
сийская газета.*
03.11.

Меня удивило, что культура на высоком губернаторском уровне ставится в один ряд с экономикой и политикой. И это правильно!

Главное, на мой взгляд, отличие сегодняшнего состояния культуры — это ее прагматичность. Нелепо выглядят попытки некоторых деятелей от культуры искусственно выделить ее в некий «духовный островок» современного потребительского мира. Культура — один из важнейших пластов нашей жизни, и неверно рассматривать ее в антагонизме с экономикой и политикой. Мысль Даниила Борисовича о «прагматизации» культуры мне кажется одной из наиболее значимых в его статье-манифесте в «Российской газете»¹, к которой я еще буду апеллировать. Модернизация мозгов — вот что должно стать наиглавнейшим механизмом совершенствования нашего общества.

Конечно же, нельзя объять необъятное. Все проблемы, названные Дондуреем, не решатся в одночасье только потому, что мы о них заговорили. Однако отдельные темы и вопросы могут стать стартовой точкой практической модернизации культуры в нашей Тюменской области. Абсолютно согласен с Даниилом Борисовичем — образование не самоцель, не гарантия развития, а лишь одно из его условий, лишь технология освоения культуры. Качество личности не только образованием обеспечивается. У нас сотни тысяч студентов и выпускников вузов (мы на одном из первых мест в мире по этому показателю), но при этом мы по-прежнему только развивающаяся страна, и не имей мы таких природных ресурсов и ядерного наследия, вряд ли бы мы состояли в мировых «восьмерках» и «двадцатках». Современный модернизационный рывок — возможность исправить это положение.

Сегодня как никогда России (и тюменскому региону в том числе) необходимы научные исследования в области психологии, социологии, философии «культурности» современного молодого человека. Возможно, необходим существенный пересмотр (в сторону увеличения) культурологической составляющей специального и высшего профессионального образования в России.

Сейчас уникальный этап развития страны — у руля государства стоят молодые люди: президент, губернаторы, министры... Однако модернизация идет сверху, а наверху эксперты обсуждают модернизацию, ни разу не употребив слов «культура» и «мораль». Это просто заговор какой-то! Нам нужно на региональном уровне исправлять это, создавая свои культурные очаги.

Хочу выступить с инициативой. Тюмень может стать полигоном уникального театрального проекта. Руководимый мною молодежный Экспериментальный шекспировский театр разработал, частично опробовал и подготовил к реализации проект «социального театра», ориентированного на людей с ограниченными физическими возможностями. Уникальность проекта состоит в том, что он не только позволяет адаптировать людей с ограниченными возможностями (предлагая им театральные постановки, специально предназначенные для этой категории зрителей), но и несет в себе огромную воспитательную составляющую.

щую — объединяет в культурном поле театра людей с социально и физически несопоставимыми возможностями. Уникальные постановки Экспериментального шекспировского театра уже приняли участие в конкурсной программе национального театрального фестиваля «Золотая маска» (где получили высокую оценку экспертов) и были представлены на международной театральной выставке «Pro-Театр» (где наш стенд был признан лучшим). Исследования наших специалистов в области арт-терапии высоко оценены учеными из МГУ им. Ломоносова, информация об этих уникальных спектаклях звучала в репортажах Первого канала и канала «Культура». Мы готовы представить предложения по этому проекту правительству Тюменской области.

**Кандидат
социологических
наук, доцент
кафедры
социологии
и социального
сервиса
Тюменского
государственного
нефтегазового
университета
Т.В.Латышева**

Субкультурный дискурс, составляющий отдельную область исследований молодежи в социологической науке, длительное время связывался в основном с теориями девиации, изучением причин и механизмов маргинализации той или иной молодежной группы. Однако современные проявления субкультурных феноменов существенно отличаются от реалий XX в. — прежде всего утратой контркультурного вектора, а также изменением их роли в социализации и идентификации личности.

Обратимся к двум оппозиционным «мирам» российской молодежи — группировкам гопников и готической субкультуре. Сегодня гопники — это форма социализации большей части молодежи из низшего и низшего среднего класса российской провинции. Социальная опасность данного феномена не осознается современниками в полной мере, так как эта молодежь не проявляет себя как активная реакционная группа, в отличие, например, от скинхедов. Между тем сущность мировоззрения гопников — агрессивное отрицание ценностей культуры: высокого уровня образования, межэтнической толерантности, труда, стремления к самосовершенствованию и т.д.

Сущность готической субкультуры, представляющей собой совершенно иной по форме и содержанию путь молодежной маргинализации, можно определить как неодакадентскую постмодернистскую эклектику, сочетающую элементы символизма, экзистенциализма, иррационализма, романтизма, средневековой и авангардной эстетики. Крайний индивидуализм, культ оригинальности, избирательность круга общения, романтизация меланхолии, пристрастие к сверхъестественному, мистическому, эксцентричному позволяют говорить о готике как о современной форме декаданса, объединяющей интеллектуально развитую, творческую молодежь. Однако помимо положительных сторон включения индивида в готическую субкультуру существует скрытая социальная опасность подобного эскапизма, связанная отнюдь не с внешне наблюдаемыми явлениями вроде эпатажной атрибутики или злоупотребления алкоголем. Уход наиболее интеллектуальной, творчески одаренной молодежи в субкультурную сферу представляет собой духов-

ный ретритизм, на причины и последствия которого стоит обратить внимание органам молодежной политики. Духовный ретритизм — это форма культурного бегства, проявляющаяся в самоисключении индивида из среды разделяемой большинством общества культуры. Социальная опасность данного явления заключается в отказе молодежи от общественно значимых ценностей, утрате веры в возможность прогрессивного развития социальной сферы, в социальной индифферентности и апатии.

Очевидно, что наибольший интерес к субкультурной тематике проявляют молодые люди, в первую очередь студенческая и учащаяся молодежь, и они же обладают наибольшими познаниями в данной сфере. Поэтому предметом нашего эмпирического исследования было изучение специфики отношения молодежи к гопнической и готической субкультурам как социальным явлениям и феноменам повседневности, степени осведомленности молодежи о существовании субкультур и толерантности к ним. Руководителем проекта выступила доктор социологических наук профессор В.В.Гаврилюк. Использовались методы фокус-групп, наблюдения, анкетирования, экспертного опроса; география исследований, помимо Тюменской области, включала Ульяновск, Иркутск, Санкт-Петербург и Москву.

Полученные результаты подтверждают факт массового распространения субкультуры гопников в российской провинции, в особенности среди подростков и молодежи, находящейся в периоде ранней юности. Так, только 12,7% опрошенных школьников ответили, что ничего не знают о гопниках. Большинство респондентов имеют опыт общения с ними, значительная часть находится в постоянном контакте с этой средой. Более того, анализ открытых вопросов показывает, что примерно пятая часть подростков мужского пола симпатизирует этой субкультуре или принадлежит к ней. Что касается отношения студентов к готической субкультуре, то осведомленность студентов о ее существовании практически повсеместна. Отношение к ней также сформировано; нейтральная позиция преобладает во всех городах, однако процентная доля опрошенных студентов, высказавших негативные оценки, тоже достаточно высока. Наиболее толерантны к готической субкультуре студенты из Москвы и Иркутска (отрицательно относятся 24,3% и 29,1% респондентов соответственно), наименее — студенты Санкт-Петербурга (около 50%).

Современная экспансия ценностей гоп-культуры свидетельствует о стирании граней между молодежной субкультурой низшего класса и сообществами молодежи из благополучных социальных групп. Готическая субкультура, как и другие неформальные молодежные субкультуры, существует в России в контексте противостояния засилью массовой поп-культуры, столичного гламура, псевдо-гламура провинциальных окраин, а также постоянному насилию со стороны гопников.

С.И. Каспэ

Хочу сказать, что оживление, возникшее в зале, с одной стороны, весьма понятно, с другой стороны, не слишком разумно — по двум причинам.

Во-первых, нам надо знать ту социальную среду, с которой мы работаем. Легко рассуждать об абстрактной молодежи, десятилетиями не видя ее в глаза. Но ее в природе не бывает, а есть в природе конкретный гопник, которого и нужно модернизировать. Это реальная задача социальных технологий, а для ее решения нужно как минимум понимать, с чем мы имеем дело.

Во-вторых, далеко не факт, что выглядящее для нас непривычным или пугающим, как те же готы, обязательно представляет собой социальное зло. Между прочим, бывают люди в галстуках пострашнее любого гота (или гопника). Прежде чем начинать что-то делать с культурой, эту культуру надо узнать и понять.

**Свободный
микрофон**

Депутат Тюменской областной думы А.П.Салмин: У меня большие сомнения относительно транслируемой социологами мрачной статистики. Да, бизнес ругает все, что можно только ругать: власть местную и власть федеральную, да и жизнь вообще... Но эти люди — долларовые миллионеры, они ими стали, они сохраняют и развивают свои бизнесы, они заботятся о своих сотрудниках, они строят здоровые семьи, и в целом они правильные и позитивные люди. Я о своих друзьях говорю, о том, что наблюдаю непосредственно! Так что есть разница между реальной картиной мира и тем, что фиксируется в опросах.

С.И.Каспэ: Прокомментирую сразу: да, действительно, есть такая установка в нашей культуре — чем дальше от собственной жизни человека оцениваемое, тем более пессимистически оно оценивается. Когда начался кризис, люди высказывались примерно так: «В стране? Полная катастрофа. У нас в регионе? Не так уж плохо. У нас в городе? Да нормально. У меня лично? Все хорошо. Но в стране в целом точно полный караул!». Я к тому, что социологам эта особенность нашей культуры хорошо известна и в свои исследования они, как правило, вносят соответствующие поправки.

Доцент кафедры мировой экономики и международного бизнеса Тюменского государственного университета Н.О.Вилков: Я экономист и придерживаюсь определения культуры, данного Питиримом Сорокиным: «совокупность всего, что создано или модифицировано сознательной или бессознательной деятельностью индивидов». Проще говоря, культура — это все то, что люди совместно сделали и делают. Но что именно они делают и зачем? Вот модернизация, заявленная как инструмент реализации некоей миссии, миссии построения великой России. А вот «АвтоВАЗ» — его деятельность вписывается в эту миссию? Или гораздо важнее, что нынешние студенты не знают, что

такое день космонавтики, что именно в этот день отмечается? Нам нужен очень дифференцированный подход к собственной культуре.

Председатель правления Союза молодых предпринимателей Н.Г.Когошвили: К сожалению, нашего губернатора нельзя клонировать — никаких его сил не хватит, чтобы лично «поднимать уровень» всех культурных проектов. Значит, надо нам подниматься и идти самим преподавать в вузах, школах. Ведь в этом зале представлена лишь малая часть общества, а за его пределами молодежь так и будет превращаться в гопников, если к ним никто не придет.

Председатель Тюменской областной думы С.Е.Корепанов: Я третий раз участвую в «Губернаторских чтениях», и сегодняшние мне понравились больше всего.

Когошвили только что спросил, готовы ли мы идти в аудитории говорить с молодежью. Мы уже идем, уже проводим парламентские уроки в учебных заведениях и будем проводить дальше.

Однако хочу задать г-ну Дондурею три вопроса.

1. Неприятная и непонятная Вам оценка политических и экономических реформ последних 20 лет — это ответ на попытки пересмотреть нашу историю. Люди не считают, что коллективизация и индустриализация — это плохо, потому что им не нравится, когда проклинаят прошлое. Разве может быть так, чтобы весь взвод шел не в ногу, а командир в ногу?
2. В десятки раз выросло количество церквей в России. Вроде бы должно стать меньше преступности и больше нравственности, а выходит наоборот — коррупции больше, убийств больше, воровства больше. Почему?
3. Я не согласен с тем, что военно-патриотическое воспитание нужно устранить, у нас и с ним-то дело плохо. Его надо, наоборот, усиливать. Человек, воспитанный на военно-патриотических традициях, и во всех аспектах гражданской жизни тоже будет патриотом. Вы с этим не согласны?

Председатель Студенческого самоуправления Института права, экономики и управления Тюменского государственного университета М.Косицына: Мне тяжело было слушать доклад Татьяны Владимировны Латышевой. Тяжело было слушать про безвариантность спортивных штанов, пирсинга и вообще маргинальной молодежи. И далее услышать еще и комментарий Святослава Игоревича, что такую молодежь нужно знать и понимать.

Почему я не услышала ни слова о том, что в воскресенье закончился наш областной фестиваль «Студенческая весна», что теперь Тюмень принимает всероссийскую «Студенческую весну»? Разве это не важно? Именно творческая и деятельная молодежь нуждается в

понимании, в том, чтобы ее знали. А фокус внимания всего взрослого поколения смещен на маргинальную молодежь.

Кстати, статус областной «Студенческой весны» был бы гораздо выше, если бы ее посетили высшие эшелоны региональной власти. Например, Вы, Владимир Владимирович!

В.В.Якушев: Во-первых, не надо передергивать — Вы должны помнить, что главным инициатором проведения «Студенческой весны» был как раз я. Во-вторых, никто не отрицает важности тех вещей, о которых Вы говорите, никто здесь не ставит ее под сомнение. Просто сегодня другая проблема вынесена на обсуждение.

С.И.Каспэ: Поймите, все очень просто — фокус внимания там, где болит, об этом раньше всего думаешь. И нет тут никакого злого умысла.

Председатель совета директоров консалтинговой группы «Лекс» В.Ф.Лукичев: Как можно сводить смысл существования Колмны, родины моего деда, бабушки, отца, к созданию производства пастилы — на кладбище крупнейших станкостроительных и тепловозостроительных заводов? Культура ли это?!

Доцент кафедры философии Тюменской государственной сельскохозяйственной академии Л.В.Звонарева: Вы очень точно говорите, что подавляющее большинство считает происходящее в стране несправедливым. Однако считаете, что менять нужно мнение большинства, что ненормально именно оно. А почему бы не изменить происходящее в стране, не привести его в соответствие с мнением большинства? Может, тогда и все культурные кризисы будут преодолены?

Заместитель председателя правления некоммерческого партнерства «Деловая инициатива» Я.О.Максимова: Я слушаю лекцию, слушаю наши споры и думаю — не пустое ли это все? Не противоречит ли сама природа конкурентных, рыночных, демократических и т.д. отношений выработанным в социалистической системе и сохранившимся поныне ценностям?

Д.Б.Дондурей

Спасибо огромное, за всеми вопросами и репликами стоят разные культуры — это ужасно интересно. Заранее приношу извинения за то, что не смогу отреагировать на все сказанное.

Самый важный вопрос — последний. Действительно, не пустое ли это все? Нас воспитывали в том духе, что социализм прекрасен, а капитализм аморален и ужасен. С такими представлениями мы до сих пор и живем. Мы нутром не принимаем всю эту буржуазную рыночную гадость. Российское искусство не создало ни одного гимна свободной

конкуренции — вроде фильма «Эрин Брокович», где мать-одиночка успешно борется с могущественной корпорацией-монополистом. Нет у нас таких фильмов и сериалов, никто их не заказывает.

За нынешнее положение дел ответственны элиты. Власть — это право на интерпретацию реальности. А у нас очень мало интерпретаций, кроме чисто прагматических. Люди должны понимать, ради чего «происходящее в стране» происходит, ради чего строится рынок. Нельзя жить в тех условиях, которые ты ненавидишь. Нельзя жить без идеалов, без миссии. Как раз миссии сегодня не видно. И модернизация — довольно слабая миссия. Это снова технократический подход, технократическое сознание. А жить все равно незачем. Без вдохновения, без смысла жизни ничего не получится, в том числе не получится эффективная экономика. Зачем?

В нашей стране отсутствует энергия человеческой солидарности. Солидарная самоорганизация — это и есть гражданское общество, в котором не сверху нечто спускается, а люди сами создают то, что считают нужным. Рынок не синонимичен аморализму. Потому, кстати, «реальный социализм» и проиграл, что на поверку оказался более аморален, чем капитализм. Конкуренция и солидарность, мораль, жертвенность не противоречат друг другу — напротив, конкуренция и делает все это возможным. Мы умели жертвовать, но не умели конкурировать, соревноваться, и поэтому сегодня вы в Латвии или Польше даже русской кастрюли в продаже не найдете — она неконкурентоспособна.

О православии и нравственной деградации: дело в том, что возрождение православия покамест декларативно. Храмы храмами, а практикующих верующих, воцерковленных всего лишь 6%. Это только начало пути, впереди длинная дорога, и не факт, что она будет пройдена.

Я совсем не против военно-патриотического воспитания, но не оно же одно должно быть! Люди должны уметь жить не только в состоянии войны, надо учиться жить в мире. О мире вообще сложнее говорить (писать, снимать кино), чем о войне. Сводить все к войне — легкий, но ошибочный путь.

О Коломне. Там сейчас около 100 тыс. жителей, а было 200 тыс. Да, Коломна с ее заводами не смогла вписаться в рыночные отношения, и пока единственный ресурс города — туризм. Девушки, открывшие производство пастилы, не хотели нанести урон тяжелой промышленности — в конце концов, не они же заводы разрушали, заводы встали без их участия! Они как раз создавали рабочие места, а не губили.

А теперь о позитивной программе. Я всего второй раз встречаю в российском регионе такое внимание к культуре (первый раз — в Перми), такое понимание культуры как главного ресурса развития. Значит, есть шанс.

Надо разработать специальную региональную программу культурного развития. Она будет действовать как бы невидимым образом — и невидимым же образом усилит регион. Между прочим, президент такую программу наверняка одобрит и поддержит.

Не надо бояться сложных людей — тех же готов и гопников, например. Они потенциально чудесные патриоты тюменского региона. Не надо бояться дискуссий. Настоящих, а не имитированных — имитированных много, а настоящих в стране не хватает.

Нужно максимально способствовать самоорганизации граждан — начиная со школьных классов, а потом и с ТСЖ все получится. Дети должны учиться защищать свои интересы. У нас около 90% институтов гражданского общества — чисто досуговые, а у настоящего гражданского общества должна быть масса функций: самоорганизация, солидарность, экспертиза и т.д. За этим будущее, создавайте его в Тюмени!

Сама эта библиотека — лучшее доказательство того, что Тюмень не провинция, что Тюмень уже двинулась в будущее. Создавайте институции мирового уровня, вы это уже можете — и люди к вам потянутся. И не стоит исходить из существующей номенклатуры культурных учреждений, действуйте неформально: если не в большом музее, где с лекциями плохо, то в более мелких формах. Сделайте атлас такого рода неформальных структур и поддерживайте жизнеспособные!

В.В.Якушев

Ограничусь одним важным комментарием. В некоторых репликах сквозило сомнение в самой необходимости модернизации. Так вот, я недавно был на учебе губернаторов (не удивляйтесь, губернаторы тоже учатся). Там приводилась такая статистика: население России составляет 3% от населения планеты, население США — 7,8%. Внутренний продукт России составляет 1,8% от планетарного, внутренний продукт США — 25,4%. Разница заметна? И еще одна поразившая меня цифра. Сейчас у нас на одного работающего в бюджетной сфере приходится меньше двух человек, работающих в других секторах, — 1,75, если быть точным, и все последние годы этот коэффициент уменьшается. А ведь бюджетников кормят именно эти люди, которых уже меньше двух на одного! Это путь в никуда; единственная альтернатива ему — модернизация. И хочу поблагодарить Даниила Борисовича за то, что он еще раз нам об этом напомнил.